

Евгений
Орел



ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ЧЕРНОБЫЛЬ



На момент аварии на Чернобыльской АЭС Евгений Орел жил в г. Припять и работал в городском финансовом отделе. «Чёрно-белый Чернобыль» написан на основе авторских впечатлений и находится на стыке документальной повести и публицистики, представляя собой отчасти срез общества середины 80-х годов прошлого столетия.

Техническая сторона катастрофы в работе почти не затронута. Снабдив название повести скромным подзаголовком «Записки обывателя», автор фокусируется на психологических аспектах послеаварийного периода. Здесь и порядочность, и нечестность, и трагедия, и любовь, потому что такова она жизнь в её сложности и многообразии.

Евгений Орел

Черно-белый Чернобыль

Записки обывателя

Слово о книге

Воспоминания о Чернобыле Евгения Орла – книга чрезвычайно интересная, и не только потому, что автор был очевидцем чернобыльских событий 86-го года, ведь существуют и другие мемуары – непосредственных ликвидаторов или ответственных лиц, руководивших ликвидацией последствий и эвакуацией. Были опубликованы и документальные воспоминания, и дневники, и стихи на эту тему. Но «Чёрно-белый Чернобыль» – вещь уникальная в том плане, что это одновременно и воспоминания – причём не просто частного лица, а человека, по роду своей работы принимавшего и выслушивавшего

сотни людей, и эвакуированных и ликвидаторов. Да и сам Орёл был во время взрыва и следующих нескольких дней непосредственно в Припяти, и приезжал туда несколько раз после взрыва.

Однако это не только воспоминания, но полноценная художественная проза, хоть и с участием не выдуманных персонажей, а живых, настоящих людей, с подлинными фамилиями и судьбами. Просто автор, кроме того, что он очевидец взрыва на ЧАЭС, ещё и талантливый литератор, который пишет прекрасные рассказы, увлекается стихами и переводами, наделён таким редким даром, как живой, бойкий литературный слог в сочетании с искромётным чувством юмора. Поэтому ему удалось создать не документальные мемуары, не газетные статьи, а то, что находится на грани жанров: художественные мемуары или литературные воспоминания, к тому же, насыщенные драматическими подробностями и анекдотическими ситуациями. Можно просто коротко сказать: это книга не скучная. Главное

её достоинство – в увлекательности подачи настоящих, правдивых фактов, в ракурсе авторского взгляда – из гущи народной. У всех, кто имел возможность слышать или читать мемуары Евгения Орла, они вызывали горячий отклик и жгучий читательский интерес. А это как раз то, что в первую очередь свидетельствует о силе авторского слова.

Светлана Скорик,
*член правления
Конгресса литераторов
Украины, председатель
Запорожского отделения
Межрегионального Союза
писателей Украины, редактор
сайтов stihi.pro и literator.in.ua.*

От автора

Обычный календарный день — 26 апреля 1986 года — разделил нашу жизнь на «до» и «после». Недавно минуло двадцать пять лет, с тех пор как Мир узнал слово «Чернобыль». Немало уж написано — как по горячим следам, так и позднее, более взвешенно и с оглядкой на время. Авария и всё то, что относится к её последствиям, оказались настолько многомерными и многоцветными, что ни одному человеку не передать той богатейшей палитры граней и красок. Я взялся за сравнительно узкий вариант изложения — «черно-белый», поскольку одно из последствий аварии на ЧАЭС — это раскрытие многих человеческих качеств, как «чёрных», так и «белых».

Отдельно замечу, что техническую сторону аварии на ЧАЭС я освещать не намерен (разве совсем чуть-чуть). Это удел специалистов. Данные записки — воспоминания обычного эвакуированного жителя города Припять, ни больше, ни меньше. У меня, таким образом, своя «ниша». Я стараюсь писать о людях. И о себе, потому что мои приключения и злключения в чём-то отличны, а в чём-то сходны с поворотами судьбы многих сограждан.

Жизнь после аварии продолжалась и продолжается. В ней всё: и любовь, и трагедия, и

порядочность, и подлость... Такова она, жизнь.

Читателям искренне желаю мирного неба, счастья и благополучия.

Е. Орел

Глава 1. Пролог в диалогах

— Женечка, сыночек, да там же атомная! — По телефону мамин тон казался ещё более взволнованным, чем в жизни, даже слегка паническим. Ну, это у нас родственное: переживать, изводиться по поводу близких, так что и сами «переживаемые» порой изводятся от нагнетаемых ужасов.

— Ну и что? — недоумевал я.

— Так ведь... мало ли... а вдруг авария!

— Мам, да не волнуйся ты! Я читал, что по теории вероятностей возможность аварии на атомной станции — раз в сто лет! — твердил я, искренне веря, что меня ждёт безмятежное будущее и неуклонный карьерный рост.

Разговор проходил в феврале 86-го, когда я перебирался не только в другую систему (из потребкооперации в минфин), но также из Чернобыля, давшего название атомной электростанции, в Припять — где на самом деле

она и находится. Сейчас об этом знает каждый, а прежде многие недоумевали: «При чём тут какая-то Припять? Чернобыль ведь!».

Тогда я даже в сюрреальном маразме не мог предположить, какую шутку с нами сыграет та самая теория вероятностей, в студенческую бытность прозванная «теорией неприятностей», и на которую давеча я ссылался для успокоения родной мамы. Хотя сама теория пред нами грешными не виновата. А вот кто виноват — об этом пускай судят профессионалы и Создатели всего сущего.

— Что это? — услышав звуки, напоминающие взрыв, спросил я Володю-приятеля, с которым делил комнату в общежитии. — На грозу вроде не похоже. Может, самолёт разбился?

— Это на станции радиацию выбрасывают, — последовал равнодушный ответ с койки у противоположной стены.

— Да ладно тебе! — я даже не придавал значения словам, больше напоминавшим бред, чем что-то здоровое.

— Да-да, — Володя гнул свое, — такое в прошлом году уже было.

И за что принять эту настойчивость, как не за поток утомлённого подсознания в районе полвторого ночи, когда ещё не спишь, но уже и

полноценно не бодрствуешь? Поняв, что продолжать разговор нет смысла, я пожелал Вовке спокойной ночи. Ответа не последовало. С того края слышалось мирное посапывание, переходящее в негромкий храп.

Этот странный диалог прозвучал в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое апреля в Припяти — городе энергетиков. Народ отдыхал после недельных трудов. Кто ещё вечером отправился на дачу, кто гулял по тихим городским улицам и пышно-зелёным лесопосадкам, кто оттягивался дома перед телевизором, где-то шумела свадьба... Ни один из горожан и подумать не мог, что позади — последний «мирный» день.

Глава 2. Накануне

Выключив свет и подкрутив ручку громкости приёмника (чтобы утром не проспать), я устроился поудобней на стандартной общаговской койке. Мысли о радиации да о том, что «такое уже было», вытеснялись более актуальными вещами.

Вспоминался прошедший день.

Накануне в пятницу в зале горадминистрации проходил семинар для бухгалтеров и экономистов предприятий города. Ведущей или, по-нынешнему, модератором выступала заведующая горфинотделом Людмила Александровна Приймак.

В финотделе я занимал двойную должность: заместитель заведующего / начальник отдела государственных доходов. В семинаре такого уровня участвовал впервые. А уж в президиум тем более никогда прежде не попадал.

С возвышения мне казалось, будто все присутствующие только тем и заняты, что разглядывают меня. Чувство робости не давало сосредоточиться, и я нервно перелистывал текст выступления по вопросу...

(Глубокий вдох)

...подведения итогов проверок на предмет достоверности отражения в отчётности результатов Всесоюзного ленинского коммунистического субботника.

(Хух! Еле выговорил!)

Проверки предприятий я же и проводил, а значит, кому докладывать, как не мне?

По сути мой доклад имел больше моральное значение, поскольку выявленные нарушения не порождали финансовых последствий ни для предприятий города, ни для экономики страны.

Как молодому специалисту, мне жутко не терпелось «себя показать». Вот и старался придать докладу как можно больше весу. Удалось это плохо. Лица слушателей всё больше вытягивались. Зал наполнялся откровенной скукой. Такое, знаете ли, безразличие на грани сплина. Пожалуй, если бы

я так же «лицедеял» в каком-нибудь итальянском театре, меня бы забросали помидорами. Наша публика более толерантна. Да и не театр ведь, а серьёзное мероприятие.

Ладно, думал я, исправлюсь. Позади двадцать пять, впереди — вся жизнь, с видами на карьеру далеко не призрачными, даже многовариантными. В недалёком будущем ярко светило место в областном финансовом управлении. Заведующая же не раз намекала, что не против перейти на более скромную должность, а меня видела в качестве преемника. Тоже вариант, хоть и сопряжённый с моральными неудобствами.

После семинара завязался диалог с двумя главными бухгалтерами. Один — точно помню — главбух самой ЧАЭС, а другой... не хочу врать, но, кажется, с Чернобыльской химзащиты. Беседа продолжилась в кабинете заведующей. Позвала она и меня, решив, что мне полезно послушать умный профессиональный разговор. За это я сказал бы Людмиле Александровне отдельное спасибо, да уж более пяти лет как её нет среди живых. По странной иронии судьбы похороны совпали с 26 апреля, только года 2006-го, как раз на двадцатилетие аварии.

Засиделись мы часов до восьми. Говорили о новшествах в бухгалтерском учёте, о так называемых АСУ — автоматизированных системах

управления. Главбух атомной гордо сообщил, что скоро вся ЧАЭС будет на этом АСУ, сведя почти до нуля громоздкий бумагооборот, который иногда хотелось обозвать, извините, «бумагопомётом».

В девятом часу я направился из городской «ратуши» в сторону общаги. Не по-апрельски жаркий безоблачный день плавно перетёк в нежный безветренный вечер.

По пути слева кинотеатр «Прометей». А не зайти ли к приятелю, тому самому Володе из общежития? В «Прометее» он работал киномехаником и весьма этому радовался: возможность по много раз пересматривать фильмы, да ещё за это не платить, а получать зарплату — чем не кайф для заядлого киномана! Володя давно приглашал «в гости», да я всё откладывал и даже ни разу не побывал внутри кинотеатра. В тот вечер пообещал себе: «Зайду на следующей неделе»...

Ближе к утру мне снились многоцветные контуры людей, машин, домов. Будто в калейдоскопе, они хаотично перемещались под звуки оркестра Олега Лундстрема, исполнявшего «Полёт Валькирий». Откуда-то взялся украинский народный хор и, перебивая вагнеровский шедевр, несколько раз пропел первую строчку из «Реве та стогне Дніпр широкий». Лундстрем недоуменно взглянул на хористов, подал оркестру знак «стоп», а

я... проснулся.

В без пяти шесть, как и положено, зазвучал приёмник, работающий от 12-вольтовой розетки (в народе такой аппарат звался «матюгальником», правда, по-украински его именовали более нежно — «брехунец»). В Украине, если кто не в курсе, утреннюю радиотрансляцию начинали троекратные позывные из шевченковского «Реве та стогне...», только без слов.

Глава 3. Утро новой эпохи

Проверив, на месте ли автобусный билет, — кажется, на без десяти семь, — я включил электрочайник и намазал маслом два кусочка хлеба. Холостяцкий завтрак готов. Меня ожидали сто двадцать драгоценных минут досыпания в пути, несколько часов праздного шатания по Киеву, а в шестнадцать ноль-ноль — английские курсы на Жилианской (в то время — улица Жадановского).

Предстоял обычный субботний сценарий. Давно отработанный, хоть и не всегда соблюдаемый. Но в этот раз явка на курсы обязательна, потому что наши активисты задумали игру на вроде «Что? Где? Когда?», буквально так и названную: «What? Where? When?». В ней и мне отвели пусть не первую, но и не последнюю, роль.

Подвести нельзя. Одна преподша обозначила

условия, что если меня не будет, то она... покончит с собой. Я догадался, что пафос вызван не значимостью мероприятия и уж тем более не важностью моего участия, а лишь профессиональным любопытством — пойму ли я «to commit suicide» (покончить жизнь самоубийством).

Не могла она знать, что ещё в школе мы с пацанами по крупницам собирали фразочки да словечки, которым в классах не обучают. Обменивались находками, придумывали диалоги. Уже тогда мы знали, как за бугром зовутся, например, «большие шишки» (big shots), как применяется бейсбольный жаргон на любовном фронте — «первая база» (поцеловать), «вторая база» (дотронуться до... гм-гм... ну, не важно) и т. п. Не говоря об «f-words» (примитивных эквивалентах наших матюков), нынче известных чуть ли не каждому ребёнку. А тогда эти «изюминки» не были в открытом доступе, и их буквально приходилось добывать из романов, толстенных словарей, спрашивать у моряков дальнего плавания и других редких счастливиц, побывавших по ту сторону границы.

Убедившись, что в портфеле всё на месте, — бумажник, паспорт, расчёска, чтиво на английском и уж не помню, что ещё, — я направился к выходу. Попутно буркнул вахтёрше «доброе утро», заглянул

в ячейку «О» на предмет писем. Пусто. И ладно. Как гласит поговорка, отсутствие новостей — хорошая новость. (No news is good news.)

На выходе закурил и, вдыхая смесь утренней свежести и болгарского «Родопи» (сигареты были такие), бодро зашагал навстречу новому дню. Если кто сносно знает город Припять, то, думаю, помнит, что автовокзал находится в паре минут ходьбы от общежития монтажного управления по Дружбы Народов, 4.

На подходе к автовокзалу я заметил что-то неладное. Непривычное скопление людей, на лицах недоумение и тревога.

Ни один автобус не выехал. Первый, шестичасовой, стартовал, но на городской черте его завернули на исходную. Кто и почему, выяснить не удалось. А ведь ничто так не пугает, как неизвестность.

Наивно спрашивать, не задерживается ли мой рейс. Конечно, задерживается!

По улицам разъезжали поливальные машины. Только вместо воды они исторгали какой-то белый пенный реагент. «Странно...».

В общем столпотворении выделялся толстоватый майор милиции. С лукавым подобием улыбки он многократно повторял всем и каждому, что, мол, не надо волноваться: в городе проходят «учения по гражданской обороне». Видать, такова

дана инструкция. Только сомневаюсь, что в эту чушь кто-нибудь поверил. Нет, не похоже на учения. А если да, то какому хорошо больному чиновнику понадобилось вовлекать в эти игры весь город, да ещё в выходной день? Н-да, тут явно что-то не так. Но насколько не так?

Когда же заметил, что со стороны атомной в небо валят невероятные клубы чёрного дыма, понял, что всё не просто «не так», а *полный «не так»*. В народе звучали версии об аварии на станции. Говорили о ночном взрыве, о выбросе радиации...

«Что-о-о?!»

«Ай да Вовка! Ну ты, брат, и накаркал! А сам, небось, ещё дрыхнешь!»

Глава 4. На пути в Киев

ЧАЭС находится примерно в трёх километрах от города. Спасибо, хоть не в городской черте! По одной из неофициальных версий изначально станцию думали возводить чуть ли не под Киевом (!). Говорили, будто руководство тогда ещё Украинской ССР «отстояло» столицу. Хотя вряд ли эту версию можно отнести к подлинным. Ведь если бы авария произошла у самого Киева — попробуйте-ка на секундочку представить последствия!

Когда-то один академик заявил, что между энергоблоками можно преспокойно ставить... кровать с молодожёнами. Настолько, по его мнению, безопасны атомные электростанции для человека и окружающей среды. Правда, свою кровать он там не поставил. А надо было! Говорю это не из вредности, а из принципа. Где-то читал, что в прежние времена, когда испытывали новый мост, по нему прогоняли тяжелогружённые повозки, а главный строитель (или как он тогда звался?) стоял под мостом. Понятно, что так мог поступить только уверенный в себе специалист и, к тому же, порядочный человек. Ну, это к слову вспомнилось.

Все эти ёрничанья родились на почве слухов, которыми, как известно, земля полнится. А правда состояла вот в чём. Академик Александров действительно утверждал, что его детище — реакторы типа РБМК — можно возводить даже в Москве на Красной Площади. Его уверенность можно понять. Академик знал, что говорил. Да и не он ставил на Чернобыльской АЭС тот эксперимент, оказавшийся трагическим. И потом, если какой-то водила врежется на «Бентли» в столб, никто ведь и не подумает винить в ДТП основателя компании — Уолтера Оуэна Бентли.

Поговорив с людьми, я понял, что ночной взрыв слышали не все жители города. Многие узнали о случившемся только утром. И, конечно,

огненный шар и зарево от пожара тоже видели не все. А кто не видел, так на взрыв и внимания не обратил. Да мало ли что там! Но ЧП на станции — такая мысль едва ли кому пришла на ум. Те же, кто загулялся далеко за полночь, подходили поближе. Ведь такое «кино» бывает не каждый день. Если у кого из окон открывался вид на атомную, то, думаю, и они, увидев загадочное зарево, могли не справиться с любопытством.

Нештатные ситуации возникали на ЧАЭС и прежде. И слова моего приятеля о том, что «такое уже было», далеко не плод фантазии. Да, всякое случалось, но проблемы решались оперативно, в секретном режиме, и в выпуски новостей такие события не попадали.

Тем же утром зарубежные СМИ дали первые сообщения, хоть и не совсем точные и уж явно не исчерпывающие. Ведь ситуация представляла собой уравнение со многими неизвестными. Советские же телевидение и радио молчали, «как рыба об лёд». Насколько помню, шведы первыми дали запрос Москве: что, мол, там происходит, а то у нас (у них, то есть) фактический радиационный фон заметно превысил естественный. И не столь важно, какую лапшу отвешивали за границе, но свои граждане, советские, не получили ни толики даже припудренной информации.

Ловцы западных радиоголосов уже кое-что

знали. Но именно — «кое-что». Да и много ли среди нас было такого рода радиослушателей?

Окна моей комнаты выглядывали в противоположную сторону. А иначе, как человек любопытный и слегка безбашенный, я тоже двинул бы поглазеть и, возможно, попытался бы чем-то помочь. Понятно, что при таком сценарии данные строки, скорее всего, не были бы написаны.

Жизнь города продолжалась. Школы работали в обычном режиме (суббота в те времена не являлась выходным днём для учащихся), шла подготовка к детской и юношеской спартакиаде, кто-то ходил по магазинам, кто-то соображал «на троих», дети играли во дворах, в том числе и в песочницах... Кстати, песок «любит» радиацию, а та отвечает ему взаимностью, но об этом знали далеко не все.

Даже когда стало ясно, что на станции авария, мало кто мог определить её масштабы, тем более последствия. Скажи тогда, что завтра весь город эвакуируют — кто бы поверил? А добавь, что авария планетарного масштаба — на смех бы подняли. Мы понимали: случилось ЧП, но над этим работают знающие люди, и вскоре всё наладится. Однако даже посвящённые вряд ли могли представить, что дело затянется на десятилетия, а может и на столетия.

«Наверное, понадобится день-два», —

подумал я и, поскольку мои планы никто не отменял, направился к остановке пригородных автобусов на окраине города в надежде поймать попутку на Киев. Ну хотя бы в том направлении. Естественно, коль ни один автобус из города не выехал, то на попутный транспорт посягал далеко не я один. Таких претендентов набралось несколько десятков.

Вскоре к нам присоединились и пассажиры поезда «Москва-Хмельницкий», только что сошедшие на перрон станции Янов, вплотную примыкавшей к городу. Поезд попал в зону радиоактивного заражения, и его дальше не пустили.

Месяца два спустя кто-то рассказывал, что за неделю до аварии по Янову ходила странная женщина, без конца твердившая: «Скоро Янов — в яму!»

Четыре машины скорой помощи постоянно курсировали между городом и ЧАЭС. На станцию неслись пустые, назад — забитые людьми. Раз промчались туда-сюда, другой, третий... Честно говоря, уже становилось не по себе. Что же там произошло, если вывозят столько пострадавших?

На остановке мы торчали уже не первый час.

Я успел разговориться с двумя-тремя незнакомцами. Один — пассажир московского поезда. Приехал навестить родню в селе Копачи. Это километрах в десяти. В обычные дни туда добирались пригородными автобусами «Припять-Чернобыль», и даже киевскими. Ну, так ведь то в обычные дни.

Другой — бородатый мужчина в тёмных очках — оказался врачом. Его оценка происходящего звучала неутешительно.

— Дело, — сказал он, — гораздо серьёзней, чем кажется. Я всё понял, когда увидел, чем они поливают улицы. В городе повышенная радиация. Очень сильно повышенная. И какую дозу мы получаем, даже трудно сказать. Но получаем — это уж точно.

— А до понедельника хоть управятся? — наивно спросил я, мало придавая значения услышанному.

— Только не до этого, — грустно улыбнулся врач, — может и не до следующего.

Не поверил я, но ничего не сказал.

Время шло. Уже перевалило за девять. Но мне же надо в Киев! Об облучении совершенно не думалось. Беспокоило одно: чем добираться? Если выезд из города заблокирован, то нельзя ли хотя бы обойти «кордон», а уж там сесть на попутку? Ведь покинуть город пешим ходом никто не запрещает.

Мою идею поддержал парень, желавший попасть в родные Копачи. Ну, ему-то недалеко, даже если топать до самого села. Подумаешь — каких-то десять кэ-ме! А вот мне до Киева — все сто двадцать. Конечно, не пообещай я приехать на курсы именно в этот день, то, скорее всего, вернулся бы, и для меня всё сложилось бы по-другому. Притом не обязательно с летальным исходом. Но, уверен, откажись я в тот момент от намеченных планов, у меня бы никогда не случилась встреча, полностью изменившая мою жизнь. Да и не только мою.

Итак, мы двинулись пешком на Копачи. Ну прям путники-странники, только посоха не хватает. Люди нам не встречались ни пешие, ни на колёсах. Не помню, о чём говорили, только случившееся старались не обсуждать. Не очень, правда, удавалось. Ещё долго виднелись клубы дыма, пока мы не отошли на большее расстояние.

Мимо нас на Припять пронеслась колонна пожарных машин (далеко не первая, как стало известно позже). Через время — ещё одна. И ещё одна. И ещё... Тревожно, однако.

У одного из нас оказалась бутылка минералки. Очень кстати, потому что пешая прогулка в жару обезвоживает организм беспощадно. По-братски тот бутылёчек и поделили. От предложенного пирожка с капустой я отказался.

До Копачей дошли часа за полтора. Там же и попрощались. Надеюсь, мой случайный спутник нашёл родных в добром здравии. Я же продолжил путь до ближайшего населённого пункта — Чернобыля. В худшем случае, час ходу. А дальше?

Вскоре за селом показался очередной, как бы это назвать... блок-пост, наверное. Опять же, милицейский. Там-то меня и ждала небольшая удача. Какая-то супружеская чета на мотоцикле с коляской ехала из Чернобыля в Припять, но, конечно же, была остановлена. Пришлось поворачивать обратно. Спасибо, не отказались и меня подбросить, так что прокатился с ветерком. С попутным. А ветерок-то дул со стороны Припяти...

По дороге я в меру понимания рассказывал о происшедшем. От услышанного глаза моих благодетелей стали круглее мотоциклетных фар. Ведь менты, перекрывшие движение, ничего не объяснили, сказав только, что проезд временно закрыт... Хм, временно...

В Чернобыле снова блок-пост. Оказалось, все дороги, ведущие в Припять, были поделены на участки. В пределах каждого можно курсировать, сколько душа пожелает. Но выехать за ближайший блок-пост — даже не думай. Так я и добирался до столицы: пешком, попутками, автобусами, снова пешком. И всем, кого встречал, рассказывал о ЧАЭС, будучи для многих первым источником

информации о величайшей катастрофе «мирного атома».

На курсах я появился в шестнадцать-десять. Но с учётом дневных приключений опоздание на жалкий десяток минут — не в счёт. Игра ещё не началась, и я улучил момент, чтобы рассказать о событии дня. Новость восприняли не то чтобы с недоверием, а, скорее, с недоумением — как такое могло произойти, да ещё не где-нибудь, а у нас, под боком? Мы привыкли считать, что большие трагедии случаются где-то далеко. И, конечно, не с нами. Но чтобы здесь, да прямо сейчас!?!...

А понимал ли я сам, о чём рассказывал? И разве могла тогда прийти мне в голову крамольная мысль о том, что чёрная стрелка циферблата жизни запустилась в режиме «после», а в «до» пути уже нет?

Глава 5. Встреча с «Мариной». **Припятский исход**

Вскоре началась долгожданная игра. Интерес к моим новостям утратился. Да мне и самому крепко поднадоела роль «герольда». Ведь с самого утра я рассказывал об увиденном каждому встречному-поперечному! Теперь же мне больше думалось: «Может и в самом деле ничего страшного? И всё образуется до завтра-

послезавтра?»

...Дымовой столб ветром склоняет в сторону Киева, перед глазами несутся машины огнеборцев и скорой помощи... а тут ещё мрачные прогнозы бородатого лекаря — и оптимизма поубавилось...

...Нет, чёрт возьми! Не может быть! Атомные станции — самые безопасные! Там же лучшие спецы, передовые технологии! И потом, если в этой стране научились делать атомные бомбы, которые так хорошо взрываются, то как можно не справиться с мирным атомом? Ну, возможны промахи, но ведь...

...Ладно, а поливальные машины: чем они окропляли асфальт? Тогда, на остановке, кто-то ляпнул: «Дефунгин». Стоп! А при чём тут антигрибковые средства? Нет-нет, совсем не то. Наверное, прав тот очкарик (я снова вспомнил врача на остановке), хотя он не уточнил, что это за белая хрень. Но если, как он говорит, уровень радиации выше нормы... то насколько выше? И как много мы хватанули за те пару часов, что проторчали на выезде из города?...

...Да нет же! Какая к бесу радиация? И, вообще, о чём это я? Мне же в понедельник на атомную, со счётной проверкой! Сама Людка поручила! Доверила, значит! (Людкой я про себя называл нашу заведующую, Людмилу Александровну)...

Игра в разгаре, а я никак не могу перейти с «внутричерепной дискуссии» в более экстравертный режим. Подошла моя очередь задавать вопрос «экспертам» (experts), как их предложили именовать, хотя, думаю, для «знатока» больше подходит connoisseur. Да не суть важно.

О доморощенной версии «Что-Где-Когда» писать особенно нечего. Такая себе имитация популярной телетусовки всезнаек. Только без выхода в эфир и не по-русски. Всё ли там прошло честно, утверждать не берусь, но знатоки, конечно же, выиграли.

После игры — небольшой концерт. В нём отличился и я, исполнив под гитару пару вещей из «Битлз» и «Хелло, Долли!». В конце последней сымитировал самого Луи Армстронга, а именно — прорычал его знаменитый скэт «ба-да-да-де-зей... оооуу йеееееессс...». Сорвал бурю оваций. Громче всех аплодировал какой-то чернокожий студент.

Когда всё закончилось, мы вышли на улицу, разбившись на группки «по интересам». Я оказался среди пяти-шести соучеников, обсуждавших новый фильм. Об аварии на атомной никто ни разу и не вспомнил. Так, весело болтая и каламбуря, мы не заметили, как дошли до метро «Льва Толстого», где компашка и распалась. Кто-то остался ждать трамвая, прочие спустились в метро, где опять же разделились по двум направлениям. На Оболонь,

что в северной части Киева, мне оказалось по пути с симпатичной однокурсницей.

С удивлением узнал, что с этой девушкой мы уже полгода учились в одной группе, но каким-то образом нам удавалось «разминуться»: то меня нет, то её. Ну, я-то жил за сотню километров и не каждую субботу мог вырваться в столицу. Мою же спутницу, как я понял, интересовали не столько занятия, сколько возможность сменить обстановку, пообщаться с ровесниками.

Одним словом, в тот вечер мы и познакомились. И — надо же! — в метро! Только «познакомились», пожалуй, не совсем точно. Она знала, как зовут меня, но спросить её имя мне казалось не совсем удобным — ведь, по идее, к тому времени должен был усвоить.

Говорили о всяких пустяках, смеялись обоюдным шуткам, обсуждали романы Хейли. Но когда я пересказывал эпизод из «Аэропорта»... «А ведь у неё красивая улыбка...» — не дав закончить фразу, мелькнул в голове насмешливый бесёнок...

Не могу избежать штампа, но в этот момент я ощутил что-то вроде дуги электрического разряда, пронзившей меня от подбородка сквозь диафрагму до, извините, пупка...

Мы смолкли, уставившись друг на друга, как замороженные...

Чуть не проехали станцию «Оболонь» (в то

время «Проспект Александра Корнейчука»).

Выяснилось, что наши дома стоят угол в угол. Хотя «наши» — это я малость хватил. Ведь если моя однокурсница жила в своей квартире с родителями и сестрой, то я гостевал у друзей, принимавших меня всегда и радушно, каждые выходные, когда мне удавалось вырваться в Киев. Это была супружеская чета среднего возраста. Замечательные люди. С ними я подружился через их сына, тёзку, знакомого ещё по Чернобылю, до переезда в Припять. Женя, хоть и работал в ЧРЭБе,¹ но из киевской квартиры не выписывался. А кто помнит, как остро в те времена стоял вопрос киевской прописки, тот меня поймёт. Выписаться проще простого, а вот вписаться обратно — даже если возвращаешься к папе с мамой — это чуть ли не геморрой.

Жекины родители оказались добрыми людьми, и даже когда он исполнял «священный долг перед Родиной», по-прежнему предоставляли мне ночлег. Да и не в ночлеге дело. Мы вместе выходили в город, бывали в кино, ездили на шашлыки, в общем, дружили. Вот и в этот раз я шёл к добрым друзьям, Надежде Алексеевне и

¹ ЧРЭБ — Чернобыльская ремонтно-эксплуатационная база речного флота.

Александр Ивановичу, не сомневаясь, что меня примут по высшему разряду.

С новой знакомой я простился у её подъезда. Договорились на завтра вместе пойти в Дом Учителя на музыкальный вечер.

Но меня беспощадно буравил единственный вопрос:

— Как её зовут?

За ужином я сообщил о происшествии на ЧАЭС. Как и ожидалось, беспокойства новость не вызвала. Александр Иванович прогнозировал, что всё наладится, пусть не за день-два, но за неделю — уж точно. Надежда Алексеевна, кажется, промолчала.

Когда укладывался спать, из головы не выходила «знакомая незнакомка», встреча с которой в один миг перевернула мне всю душу. Пытался вспомнить, как же к ней обращались на курсах. И — не мог! Уже проваливаясь в сон, я «увидел» её на занятиях и едва не выкрикнул на всю квартиру: «Марина!» Обрадовавшись неожиданному откровению, я преспокойно отключился.

Утром первая же мысль — о встрече... с Мариной. Только... «А Марина ли?» Вот глупая ситуация! Иду на randevу, не знаю, к кому. И в руку ли оказался тот сон, не сон — бог знает, что

это было. Хорошо ещё, хоть телефон у неё не спросил. А то позвонил бы — «Здравствуйте вам! А можно Марину?» И каков шанс по той же теории вероятностей (вот напасть-то!), что она и в самом деле Марина? Ну, ладно, сегодня встретимся, кто-то окликнет её, тогда и выясню.

В то воскресенье противно дождило (знали бы, чем именно). Морось на улицу не влекла, и почти весь день мы пили чай, болтали о всяком-разном, листали альбомы с репродукциями картин. По телящику — ни слова о ЧАЭС. Будто всё пригрезилось.

Еле дождался вечера. Около шести подошёл к её подъезду. Марина (ладно, пусть пока так) появилась минут через пять. Но если вчера на ней был темно-синий ансамбль (жакет и юбка), то теперь её прелести (я же глазастый!) скрывало лёгкое летнее платье. Кажется, ткань в цветочках. Вместо строгих закрытых туфель на высоком каблуке — оранжевые босоножки с открытыми носком и пяткой. Бессменной оставалась только английская булавка огромных размеров. Вчера она украшала левый лацкан жакета, а нынче крепилась на платье, там же, слева. «Видать, от сглаза», подумал я, но ничего не сказал.

Не стихала морось, а Маринин зонтик — один на двоих. Так мы и шли к метро: я держал над головами зонт, а Марина — меня под руку. Желая

скрыть смущение, старался говорить о чём угодно, только бы не обращаться напрямую. Не люблю я безличные формулы вроде «Ты знаешь...», «Слушай...» и тому подобные. Ведь самое приятное для человека сочетание звуков — его имя. Не я первый изрек эту мысль, но сказано верно, не так ли?

Вечер в Доме Учителя представлял собой театрализованное шоу силами студентов ин-яза и РГФ.² С курсов пришло человек десять-двенадцать. Говорили между собой немного, больше внимали сцене. Но желанное имя так никто и не произнёс.

Концерт продолжался, а мне уж подошло время отправляться на станцию «Полесье». Оттуда ходили автобусы на Иванков, Чернобыль, Полесское, что-то ещё, не помню, и, конечно же, на Припять. Прощаясь, мы с Мариной договорились увидеться на следующем занятии. Я уже понимал, что хочу этой встречи, и время ожидания включило посекундный отсчёт.

На автостанции случайно встретил знакомых ещё по Чернобылю. Целая семья. Детей, кажется

² РГФ — Факультет романо-германской филологии Киевского Государственного Университета им. Т. Г. Шевченко.

трое. Мама-папа с чемоданами, сумками. Спрашивают:

— А ты куда собрался?

Поначалу от меня ускользнули странные нотки в, казалось бы, нормальном любопытстве.

— Домой. А вы в отпуск? — как ответил, так и спросил: повседневно, чуть даже празддно, не ожидая сюрпризов.

— Ага, хорош отпуск!

«Что за ирония? — смутно-тревожная мысль пронзила беззаботность воскресного вечера. — Хотя, может, показалось?»

— Так а ты, значит, на Припять? — Теперь интонация вопроса не оставляла сомнений: тут какой-то подвох.

— Ну да, — внутренне я съёжился, не зная, чего ждать.

— Тогда не суетись, там уже никого нет. Всех эвакуировали.

— Как это — эвакуировали?

— А так. Весь город. Чернобыль пока нет, это мы сами сбежали.

— Подождите, как это? — не веря ушам, я выдал совершенную нелепость. — Завтра же на работу!

— Какая работа, Женя! — рассмеялись они. — Ты вон туда погляди!

К станции один за другим подтягивались

несколько автобусов. Такие вот, длинные, в каждом по два салона, соединённых «гармошкой». Те, что для внутригородских маршрутов.

Для эвакуации власти предоставили 1100 автобусов, причём без разбору, какие только под руку попали. Перебирать харчами (пardon, транспортом) было некогда.

На лицах прибывающих читалось что-то среднее между непониманием и удручённостью. В руках — котомки, чемоданы, у кого-то за плечами рюкзаки. Мужчины, женщины, дети, пожилые — весь набор... Что-то знакомое, где-то я всё это уже видел... А, ну да, в кино про войну... эвакуация мирного населения...

Другая аналогия показалась более точной:

Исход !

«Неужели всех вывезли? Не может быть! Ведь это порядка пятидесяти тысяч душ!» — подумал я, а вслух спросил:

— И куда теперь?

— А это уж кто куда. Сказали, что везут только до Киева, а дальше — на все четыре. А ты, кажется, из Полтавы?

— Я-то да, но при чём тут... Это же временно? На несколько дней? — не унимался я.

Ответа не последовало. Мои визави молча наблюдали за странным людским потоком, растекавшимся на рукава, речки, ручейки...

Припять населяли приезжие со всего Союза. И теперь они разбегались, кто куда мог: к родителям, родственникам... где примут. Как стало известно позже, принимали не все. Некоторые боялись, кабы не хвататься радиации от неожиданных визитёров.

Интересно, о чём думали эти переселенцы поневоле? Может, проклинали день, когда решили сорваться с насиженных мест на стройку атомной в живописном уголке украинского Полесья, а затем на новом месте пустили корни? Полагаю, нет. Скорее всего, их больше волновало — «Когда это кончится?» Впрочем, я мыслей не чтец.

Через полчаса я снова у друзей на Оболони. Деваться-то всё равно некуда. Рассказал о том, что узнал и увидел. Теперь мы понимали, что не всё так просто. Самое противное — в новостях по-прежнему ни слова.

*За неделю до аварии я подарил
Александру Ивановичу и Надежде
Алексеевне небольшую книжку-альбом
с видами моего нового места
обитания. Подписал — «Добро*